

50 ЛУЧШИХ АВАНТЮРНЫХ ДЕТЕКТИВОВ

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

*Вкус ледяного
поцелуя*

МОСКВА 2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Редактор серии *Е. Ирмеш*
Оформление серии *Д. Сазонова*

Полякова, Татьяна Викторовна.
П54 Вкус ледяного поцелуя : [роман] / Татьяна Полякова. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-190909-3

Три женщины убиты одна за одной и все в примерочной кабинке универсама. Ох, как не хотелось Ольге Рязанцевой, референту городской администрации, влезать в это дело, но пришлось. А тут еще два трупа, на этот раз — мужчины. Причем этих убрали в весьма пикантной ситуации. Ольгу, что называется, заело, она решила найти убийцу во что бы то ни стало. Как раз кстати в городе появился и человек, в честь которого Ольга назвала свою любимую таксу — Сашкой. Очень опасный парень, специалист по трудноразрешимым проблемам. Но сейчас, кажется, он не на Ольгиной стороне, уж больно взгляд у него колючий и поцелуй ледяной...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-190909-3

© Полякова Т.В., наследники, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

В то утро мир выглядел особенно скверно. Стеная и охая, я выбралась на балкон с бутылкой минеральной в руке, взглянула на парк напротив, перевела взгляд на улицу и не без удовольствия констатировала:

— Ничего интересного здесь нет. — Глотнула из бутылки и закашлялась — минералка оказалась чересчур холодной.

На балконе появилась такса по имени Сашка. Пес укоризненно взглянул на меня и вроде бы даже покачал головой.

— Не смей меня воспитывать, — на всякий случай предупредила его я, — все равно слушать не буду. — Пес повернулся и ушел на кухню. — Вот и правильно, — сказала я вдогонку, выпила еще водички и пошла вслед за ним.

Сашка торопливо покинул кухню, значит, обиделся. Я вздохнула, оглядываясь, надо признать: редкий свинарник. Оставила на столе бутылку и побрела в ванную. Через полчаса мир уже не вызывал стойкого отвращения, в нем даже наметилось кое-что не лишнее приятности, к примеру, кофе. Я выпила чашку, закрыла глаза и попробовала вспомнить, какой сегодня день недели. Вторник или среда? Среда.

Тут зазвонил телефон, и меня перекосило от от-

вращения. Если это Дед, мой старый друг и работодатель, то лучше пойти и удавиться. Но, к счастью, это был Борька. Голос его звучал хрипло, слова он произносил с трудом, что в общем-то понятно, раз накануне мы пили вместе.

— Ты как? — спросил он с душевной мукой.

— Уже лучше.

— А мне чего-то совсем хреново.

— Пить надо меньше, — философски заметила я.

— Ага. Или больше. Ни то ни се — хуже всего. Я чего звоню-то... Вчера малость пошумели, а сегодня на полутрезвую голову... Слушай, у тебя неприятностей не будет?

— У меня их и так полно. Одной больше, одной меньше...

— Детка, эта рыжая шмара, что в ментовке выживалась, по-моему, журналистка. Вроде я ее уже где-то видел.

— Ну, видел и видел, — вздохнула я.

— Может, куда позвонишь на всякий случай?

— Обойдется, — отмахнулась я.

— Но...

— Угомонись ты, — перебила я, — башка болит, не загружай.

— Ну, как знаешь, — вроде бы обрадовался Борька и отключился.

А я попыталась восстановить в памяти события прошедшей ночи. События гроша ломаного не стоили, но удивительно, что они меня очень даже разозлили и я с горя напилась прямо-таки до безобразия.

— Надо завязывать, — мученически сказала я, особенно не веря самой себе, потом бодро поднялась,

оделась и крикнула Сашке: — Хорош дуться, идем гулять.

Сашка не торопясь пошел к двери, время от времени поглядывал на меня, проверяя, иду ли сзади, и тяжело вздыхал, опустив голову.

— Да ладно тебе, — буркнула я, запирая дверь. — Ну, напилась, с кем не бывает? Вчера мое чувство справедливости было поругано. Я ж тебе рассказывала. Зато мы долго гуляли, с этим ты спорить не можешь. А то, что я пела песни и взобралась на грибок на детской площадке, вовсе чепуха, у человека хорошее настроение, я вспомнила детство и все такое...

Пес вновь укоризненно взглянул на меня, держался он подчеркнуто в стороне, предпочитая не приближаться ко мне, в общем, делал вид, что он не со мной. Это показалось мне обидным. Я вошла в парк и бухнулась на первую же скамейку. Ночью шел дождь, блестели лужи, ветерок гнал листву по дорожкам. Обхватив себя руками под мышки, я сидела нахохлившись и пялясь в пустоту.

Сашка подошел, потерся о мои ноги и с грустью заглянул мне в глаза. А я подмигнула.

— Ничего, как-нибудь... — сказала я со вздохом, и мы пошли бродить по аллеям.

Сашка любит гулять, а я терпеть не могу свою квартиру. Никаких дел себе придумать я не смогла, к тому же на свежем воздухе чувствовала себя не в пример лучше, нежели на прокуренной кухне. В общем, мы гуляли часа два. Я заметно взбодрилась, простила миру его упорное нежелание выглядеть привлекательнее и даже почувствовала легкий голод, хотя обычно я не в состоянии запихнуть в себя что-либо, кроме кофе, часов эдак до двух.

— Потопали домой, — позвала я Сашку.

Он, видно, тоже проголодался, потому что без возражений направился к дому.

Мы позавтракали, я вытянула ноги и положила их на соседнее кресло с намерением вздремнуть, и тут вновь ожил телефон.

Риткин голос звучал точно на моих похоронах.

— Ну что ты вытворяешь? — с душевной мукой спросила она. — Дед просто... я его таким еще не видела. Поторопись. И придумай что-нибудь жалостливое в свое оправдание.

— Уже настучали? — огрызнулась я. — Ритка, а может, ты ему скажешь, что не нашла меня? Мобильный не отвечает и все такое...

— Нет уж, двигай в контору. И постарайся выглядеть прилично.

— Это трудно, — пожаловалась я, повесила трубку, скроила Сашке рожу и вздохнула. — Придется ехать. Давай со мной. Порядочный человек при собаке орать не будет, как считаешь? — Тут я углубилась в размышления на тему, можно ли считать Деда порядочным человеком, и слегка увлеклась, затем перевела взгляд на часы и кинулась собираться.

Обычно зеркало в такие тяжелые времена я игнорирую, но Ритка советовала выглядеть прилично, и я без удовольствия в него заглянула. На меня взирала опухшая физиономия, синяк на левой скуле невероятно украшал ее.

— А это, блин, откуда? — скривилась я, похмельная рожа скривилась в ответ. — Да, красота — это страшная сила, — вынуждена была признать я. — И чем дальше, тем страшнее.

Я достала косметичку и попыталась вернуть себе

былую привлекательность, но минут через пять махнула рукой и зашвырнула косметичку в ящик. Сашка устроился в сумке и оттуда настороженно поглядывал на меня.

— Потопали, — кивнула я, подхватила сумку и пошла в гараж.

Новенький «Ситроен», подарок Деда на очередной день рождения, радовал глаз. Сашка удовлетворенно твякнул, машина ему нравилась.

— Что, пес, — подмигнула я, поставив сумку на сиденье рядом, — жить — хорошо, а хорошо жить, как известно, еще лучше.

Уже поднимаясь по лестнице к центральному входу, я поняла, что совершила целый ряд стратегических ошибок. Первая: на мне джинсы, Дед терпеть не мог баб в джинсах, это знали все, и с моей стороны прийти в таком виде — значит проявить неуважение. Вторая: кроссовки на мне грязные (на фоне красного ковра в фойе не просто грязные, а безобразно грязные), а Дед ненавидел грязную обувь. Добавьте похмельную рожу и Сашку в сумке. Я глухо застонала, но упорно двигалась дальше, из упрямства, а может, из-за тайного желания досадить Деду. Отношения у нас, прямо скажем, непростые.

Ритка, увидев меня, страдальчески закатила глаза.

— Да ты с ума сошла. Ты себя в зеркале видела?

— Не-а. На хрена мне себя расстраивать?

Приемная была пуста, и я устроилась в кресле рядом с Риткой.

— Один? — кивнула я в сторону заветной двери.

— Да. Освободится, позовет. Между прочим, я

тебя просила... — укоризненно начала она, но я перебила:

— Да не зуди ты, и так тошно.

— Тошно, — передразнила Ритка.

— Кто настучал? — вздохнула я. Ритка подняла брови, вроде бы удивляясь моей дурости, после чего подала мне газету. Первую страницу украшала моя физиономия. — Фотография могла быть и получше, — хмыкнула я, но смеяться мне совсем не хотелось. Статька была озаглавлена «Распоясавшиеся слуги народа», и в ней мне досталось по полной программе, припомнили даже то, что я и сама забыла. — Вот у людей память, — покачала я головой.

— И чего тут смешного? — нахмурилась Ритка.

— А я и не смеюсь. Оперативно сработали. Умеют, когда хотят. Дай закурить.

— Ты же знаешь...

— Дай закурить. Хуже уже не будет.

Ритка протянула мне пачку сигарет и придвинула пепельницу.

— Ты что, в самом деле... — начала она, но под моим взглядом лишь покачала головой и отвернулась.

Я успела докурить сигарету и еще раз пробежать глазами статью, когда услышала по переговорному устройству голос Деда.

— Рита, она пришла? — спросил он сурово.

— Да, Игорь Николаевич, — пискнула Ритка.

— Пусть зайдет.

— Очень тебя прошу... — начала было Ритка, но я махнула рукой и вошла в кабинет.

Дед, как всегда, готовясь к неприятному разговору, тарасился в окно. Он стоял, сунув руки в карманы брюк, и даже не повернулся, услышав, как хлопнула

дверь. Я его знала слишком хорошо и по напряженной спине, по тому, как, набычившись, он смотрит вдаль, ничего не видя, поняла: он, что называется, в бешенстве.

— Привет, — сказала я, поставила сумку с Сашкой на пол, а сама устроилась в кресле, робко так, на самом краешке, очень надеясь, что выгляжу вполне сиротливо.

— Газету видела? — спросил он, не поворачиваясь.

— Ага. Ритка показала.

— Ну и что скажешь?

— А чего тут скажешь, чистой воды подстава. И менты в нужном месте в нужное время, и журнальчик весьма кстати с фотографом на пару, и это в два часа ночи. А утречком эта хрень уже в газете... Позудят немного и уgomонятся. — Я разглядывала свои ногти, пользуясь тем, что Дед меня не видит. Тут он повернулся, а я приняла покаянный вид, взглянула на грязные кроссовки и поморщилась, но тут, как говорится, ничего не поделаешь.

— Значит, подстава? — спросил Дед печально, а мне вдруг ни с того ни с сего стало его жалко. Так иногда бывает, и я знать не знаю, что с этим делать.

Я молча кивнула, напустив в глаза тихой грусти, и даже вздохнула, Сашка, кстати, тоже вздохнул, должно быть, переживал из-за меня.

— Ага, — зловеще кивнул Дед. — Значит, ты не сядила за руль в пьяном виде, не была остановлена сотрудником ГАИ, не оказывала сопротивления, не была доставлена в отделение и не разбила там окно, запустив в него стулом. Что ты еще не сделала? — Я воззрилась на потолок, внезапно решив, что он чем-то необычайно мне интересен. — Прекрати паясни-

чать! — рявкнул Дед, но особого впечатления на меня это не произвело, я знала его двадцать с небольшим лет, сначала он заменял мне отца, потом стал любовником, теперь он мой работодатель. Мне было известно доподлинно: когда он рычит, это ничего, это можно пережить, куда хуже лютое молчание.

Дед сгреб газету со стола и сунул ее мне под нос, как будто я ее не видела.

— У тебя мозги есть? Хотя какие-нибудь? Ты знаешь, как для меня важно... особенно сейчас... переломный момент... — Далее было совсем не интересно.

Конечно, я знала. Год назад в тяжелой борьбе Дед занял это кресло и намеревался в нем состариться и, подзреваю, умереть на боевом посту, как генсеки в старые добрые времена. Последние пару месяцев он болезненно относился к малейшей критике, в общем-то, он ее никогда не любил, а теперь зеленел лицом, лишь только какой-нибудь придурок позволял себе твякнуть вдогонку. Впрочем, придурков было не так много, и волноваться ему, по большому счету, не стоило.

Именно это я и попыталась донести до его сознания, интеллигентно и толково. Но он не внял.

— Ты обязана думать о моем честном имени, — взвился он и, судя по физиономии, именно так и думал, я имею в виду честное имя. Признаться, это меня озадачило. Перед журналистами, любимым электоратом и еще черт знает перед кем мог бы сколько угодно выеживаться, но я-то знаю его как облупленного.

«Он заигрался, — решила я с сожалением. — Сам себе верит. Ей-богу, верит», — тяжело вздохнула и сказала:

— Извини.

— Извини? — Его могучая грудь тяжело вздыма-

лась, глаза сверкали, правда, с рева он перешел на зловещий шепот, что тоже не очень хорошо, но от шепота хоть уши не закладывает. — Это все, что ты можешь мне сказать? Да ты хоть понимаешь... — Он вновь повысил голос, а я неожиданно для себя сказала:

— Пошел ты к черту. — И почувствовала облегчение: именно это мне уже давно хотелось сказать.

Дед замер с приоткрытым ртом, дернул седой головой, а потом сцепил челюсти так, что его зубы просто обязаны были раскрошиться.

Я поднялась и направилась к двери, решив, что самое время убраться восвояси. Ближе к вечеру Дед придет в себя, и мы славненько порыдаем на груди друг друга, простим обоюдные грехи и заживем по-прежнему — ладненько и складненько.

В два шага он догнал меня, схватил за плечо и с размаха влепил пощечину. Сашка отчаянно завизжал и, выскочив из сумки, попробовал ухватить обидчика за ногу.

— Здорово, — присвистнула я, как только смогла прийти в себя. Дед стоял бледный до синевы, гнев в его глазах уже потух, теперь в них осталась одна растерянность. Должно быть, он был потрясен не меньше меня.

Сказать по чести, не ожидала я от старого друга такой прыти. Еще минуту назад могла бы руку на отсечение предложить, что он никогда, ни при каких обстоятельствах... и так далее, а вот гляди ты... в этом мире все меняется, и с руками следует быть поосторожнее во всех смыслах.

Сашка все еще метался возле его ног. Я было испугалась, как бы Дед в сердцах не пнул звереныша, но он, похоже, вовсе ничего вокруг не замечал. Подхва-

тив Сашку на руки, я вышла из кабинета, громко хлопнув дверью.

— Ну что? — спросила Ритка испуганно.

— Дай листок бумаги и авторучку.

— Зачем?

— Дай! — рыкнула я.

Ритка испуганно пододвинула бумагу и ручку, но все-таки спросила, потому что по природе была чудовищно любопытной:

— Что это рожа у тебя такая багровая?

— Допекут, пойдешь пятнами.

— А почему только с одной стороны?

— Не сбивай с мыслей, — попросила я, а она заревела:

— Он что, тебя ударил? Не может быть... Из-за паршивой статейки?

Я размашисто вывела на листке: «Прошу освободить меня от всех прав и обязанностей. С любовью и благодарностью», — расписалась и поставила число.

— Привет, — кивнула я Ритке, — и в ближайшие три дня не вздумай мне звонить.

На сей раз дверью я не хлопала, прикрыла ее осторожно и огляделась: по коридору сновали люди, и всем было до меня дело. Одни улыбались, другие смотрели серьезно, но обходили стороной, точно я покинула не кабинет Деда, а тифозный барак.

— Вот уроды, — сказала я Сашке, и он согласно кивнул.

Пес все еще дрожал от возбуждения, и я, признаться, тоже, оттого и направилась в бар на втором этаже. Горячительных напитков здесь не подавали, но мне сейчас и стакан воды пойдет на пользу.

В баре человек пять пили кофе. При моем появле-

нии все разом повернулись, затем, точно по сигналу, отвели взгляд. Я подошла к стойке, взгромоздилась на высокий табурет, пристроив Сашку рядом. В сумке ему не сиделось, пришлось шикнуть, он затих, а бармен взглянул осуждающе. Здоровый парень с румяной рожей, в белоснежной рубашке и франтоватой бабочке. Наверняка с чувством самоуважения. Поди, друзьям рассказывает, как с местной властью каждый день запросто... прислушивается к разговорам, в душе всех презирует и боится... Хороший парень. Очень захотелось поскандалить, но я напомнила себе, что являюсь доверенным лицом Деда, то есть являлась, даже не доверенным лицом, черт, как же это звучит... ах, ну да, помощник по связям с общественностью. Я в каком-то смысле его лицо, тут он прав, а скандалить этому лицу ни к чему.

— Налей водки, — вежливо попросила я.

— Не держим, — торопливо ответил бармен и даже не без испуга шарахнулся от меня.

— Да брось, — сказала я с улыбкой. — Вот в том шкафчике всегда стоит бутылка, давай шевелись...

— Вы же знаете правило, — ответил он гневно, а я заорала:

— Да пошел ты, урод! — За моей спиной задвигались стулья, кто-то хлопнул дверью, я ухватила парня за белоснежную рубашку и гаркнула: — Ты что, оглох, придурок?

— Меня же уволят, — побелевшими губами шепнул он, я отпустила рубашку и похлопала его по груди.

— Извини, нервы ни к черту. Тяжелый день. Прошу прощения, господа, — раскланялась я, радуясь, что

доставила людям удовольствие, и поспешно покинула бар.

В коридоре меня догнал парень из охраны.

— Ольга Сергеевна, — сказал он вежливо, — Лев Иванович просил вас зайти.

— Времени нет, — хмыкнула я.

— Дело срочное.

— Сожалею, — перебила я весело, — я здесь больше не работаю.

Новую жизнь я решила начать с уборки квартиры. Ходко сновала с пылесосом, даже заглянула в комнаты на верхнем этаже, чего не делала по меньшей мере пару месяцев, Сашка путался под ногами, поглупев от удивления. Выдохлась я быстро и спустилась на кухню, с тоской взглянула на пустую бутылку из-под мартины. В шкафчике был коньяк для гостей, сама я его не жаловала, но на безрыбье, как известно, и рак рыба. Я плеснула в стакан, и тут хлопнула дверь, на кухне появился Дед в плаще нараспашку, брови сурово сдвинуты, взгляд тяжелый, выражение лица не прочитывается, не лицо, а булыжник. Взглянув на бутылку и стакан, я развела руками и усмехнулась: не мой день.

— Если думаешь, что я извиняться... — начал он, а я хихикнула:

— Даже не мечтаю.

Он подошел, отобрал бутылку, стакан швырнул в мойку.

— Надо бы снять с тебя штаны и всыпать как следует, — заявил он зло, — чтоб ты неделю на задницу не могла сесть.

— Катись отсюда, — предложила я. — Я на тебя больше не работаю.

Он запустил в стену бутылку. Я этого не ожидала и испуганно пригнулась, а он схватил меня за шиворот и больно ткнул лицом в стол. Сашка отчаянно завизжал, а я попросила:

— Отпусти, чего собаку пугаешь.

Он отпустил меня, устало повалился в кресло, потер лицо ладонями. Теперь стало видно, что он смертельно устал, круги под глазами, тяжелые складки возле губ, лоб перерезали морщины.

Было время, когда я любила его. Очень. Наверное, и сейчас люблю, не зря сердце колотится, так что того гляди выскочит, а душу щемит острая жалость. К нему или к себе, поди разберись.

Я присела перед ним на корточки и уткнулась лицом в его колени.

— Что ты делаешь со своей жизнью? — тихо спросил он. У меня разом заныли все зубы. Чего я совсем не выношу, так это разговоров по душам, особенно если сказать друг другу нечего. — Ты еще совсем девчонка, — продолжил он со вздохом, точно это обстоятельство сильно его печалило, — а посмотри, на кого похожа? Таскаешься по кабакам в компании каких-то дегенератов, с этой нелепой таксой... Скалишь зубы и радуешься своим дурацким шуткам.

— Иногда у меня неплохо получается. Один тип сказал, что у меня есть чувство юмора.

— Он дурак.

— Ясно.

— Кому и что ты хочешь доказать? А?

— Ладно, прости, — попросила я покаянно. Он взглянул мне в глаза, я тяжело вздохнула и поспешно

отвела взгляд. — Будем считать, что поговорили. — Я поднялась и сделала шаг в сторону, он схватил меня за руку.

— Что с тобой происходит? Что? Да поговори ты со мной, черт тебя дери... — Он даже голоса не повысил, но лучше бы заорал. В его словах была боль, настоящая, такое не сыграешь, хотя Дед, конечно, мастер. Я потеряла нос и решила его озадачить.

— Вот ты умный, — сказала я печально. — Скажи, зачем все это? Я, ты... вообще все?

— У тебя что, переходный возраст? — нахмурился он. — Что ты дурака валяешь?

— Я не дурака валяю, я смысла не вижу. Ни в чем.

— Какой, к черту, смысл? Ну-ка, иди сюда. — Я сделала два шага и уперлась ногами в его колени, и мы некоторое время пялились друг на друга без всякой пользы, потом он встал, обнял меня и убежденно сказал: — Я искалечил твою жизнь. Я во всем виноват. Если бы не я...

— Лучше еще раз врежь, — пресекла я его попытку запудрить мне мозги, — только чепуху не болтай. При чем здесь ты? У меня скверный характер, все мои неприятности из-за этого. Насчет смысла жизни я загнула, чтоб позлить тебя. Больше не буду, честно. Снимай плащ, я тебя чаем напою. У меня есть варенье, черничное. Ты же любишь...

— Детка, — позвал он. Не помню, чтоб он звал меня иначе, впрочем, он всех своих баб так зовет, чтоб не путаться, — у меня, кроме тебя, никого нет. И никогда не было. Ты знаешь. Если б я мог... если б я только мог все вернуть... я бы никогда... Я тебя слишком любил, до одури. Проще было убить, чем отдать другому. Если б не сглупил тогда, катал бы на спине твоих детей и

радовался своему счастью, а теперь смотрю, как ты вгоняешь себя в гроб, и ничего не могу сделать. Такое и врагу не пожелаешь.

Он меня растрогал, я даже заревела, что уже давно за мной не водилось, уткнулась в его грудь и рыдала, а он гладил меня по спине, и в глазах его стояли слезы, самые что ни на есть настоящие. Конечно, он меня переиграл, он всегда все делал мастерски. Я знала, что верить его словам и его слезам так же глупо, как надеяться увидеть прошлогодний снег, но не поверить не могла. Тут уж, как говорится, ничего не поделаешь. Любопытно, вот сейчас, когда он гладит мою спину, о чем он думает? Неужто вправду обо мне? Или все-таки о делах? Мы сливаемся в объятьях, и мысли входят в привычную колею? А может, зря я так, может, он действительно что-то чувствует, не он притворщик, а я слишком цинична? Ну вот, дошла до самобичевания... Он выпустил меня из объятий, снял плащ, как-то заискивающе улыбнулся:

— Давай, пои чаем.

Хлопоча по хозяйству, я между делом выглянула в окно. Машина Деда отсутствовала. Выходит, он отпустил шофера? Впрочем, ничто не мешает ему в любое время вызвать свою машину. А если он собрался задержаться, в том смысле, что остаться на пару-тройку часов? По негласному уговору такого давно не случилось, после того, как человек, за которого я собиралась замуж, скоропостижно скончался. Идея моего замужества не пришлась по душе моему другу. «Отцу родному, — фыркнула я мысленно, конечно. — Впрочем, тут я перегнула палку, если покопаться в нашей истории, то выходило, что это я соблазнила лучшего друга моего отца, а он пошел у меня на поводу, точно

баран на закланье. И ничего хорошего из этого не вышло».

— Что? — спросил Дед, а я сообразила, что последнюю фразу произнесла вслух. Со мной такое бывает, ни с того ни с сего начинаю болтать сама с собой или хихикать. В общем, реальные глюки. Человеку вроде меня не стоит жить в огромной квартире в трех уровнях. Здесь даже такса способна заблудиться, а что уж про меня говорить?

— Кажется, будет дождь, — бодро сообщила я Деду.

— Этот Борька, кто он? — спросил мой старший друг, поспешно отводя взгляд. Ревновать он считал недостойным себя, раз уж предполагалось, что мое счастье для него на первом месте, а собственное плетется где-то в хвосте.

— Хороший парень, — пожала я плечами.

— Давно ты с ним?

— Давно я с ним что? — хмыкнула я, сложив руки на груди. Обожаю такие вопросы.

— Ну... что-то вас связывает?

Вот это я называю страусиными играми. Теперь будет ходить вокруг да около, мастер иносказаний. Конечно, я тоже поднаторела в этом виде спорта, рядом с великими людьми грех не научиться. Но сейчас настроение у меня было не то, оттого я ответила просто:

— Он женат. Довольно глупо заводить с ним роман, как считаешь? — Голову из песка пришлось извлечь. Не знаю, как к этому относится страус, а вот Дед без удовольствия.

— Значит, вы просто пьянствуете на пару? — хмуро спросил он. Поделом мне, надо принимать его правила, а не лезть со своими.

— Да не пью я, — буркнула я с постной миной. — То есть, бывает, выпью, конечно. Иногда даже напьюсь, как вчера, например. Но пить — это совсем другое.

Дед выжидающе смотрел на меня. Я подняла глаза, и взгляды наши встретились, мой молил о прощении и еще намекал на легкую обиду, то бишь недоверие. Дед прикидывал, как ему поступить: сделать вид, что поверил, или не сделать. Короткая схватка закончилась победой здравого смысла, он обнял меня, привлек к себе и горячо зашептал:

— Я люблю тебя.

Только-только я вздохнула с облегчением, что все наконец закончилось, как Дед запечатлел на моих губах поцелуй, который при всем желании отеческим никак не назовешь. Признаться, я малость прибалдела, в том смысле, что растерялась. Пока я пыталась сообразить, что следует предпринять в такой непростой ситуации, Дед увлеченно продолжил. Я мысленно махнула рукой, отчего же не порадовать человека, да и себя заодно. В конце концов, для того и соглашение, чтобы было что нарушать. Я ответила на поцелуй, после чего нам оставалась одна дорога — в мою спальню. Туда мы и отправились.

Через некоторое время я могла с чувством удовлетворения констатировать: Дед, несмотря на возраст (а ему около шестидесяти), все еще в прекрасной форме, чего о себе сказать я не могу. Ленива, да и фантазия так, на троечку. Чувства тоже куда-то запропастились. Было странно лежать рядом с ним в постели и ничего в общем-то не испытывать.

Утром я вскочила пораньше и кинулась готовить завтрак, чтобы продемонстрировать свою любовь и заботу. Я была уверена, что нравочений больше не

последует, так же как и вопросов с пристрастием. Но Дед лишил меня всех иллюзий. За кофе, сидя напротив, он заявил:

— Совсем как раньше. — Глаза у него были грустные, должно быть, и вправду ностальгировал. Он протянул руку и погладил меня по щеке. Я тут же благодарно приникла к его руке губами, и тут он выдал: — Если ты еще раз напьешься, я пушу себе пулю в лоб. Я не шучу. — В этом я не сомневалась, шутить он вообще не умеет, а вот так — точно бы шутить не стал.

— Ты что, спятил? — спросила я, чувствуя, как отпадает моя челюсть.

— Точно, — кивнул он. — Спятил. Ты действительно то единственное, что удерживает меня на этом свете. И если выяснится, что ты... лучше сдохнуть, чем видеть, как ты превращаешься... Извини, — резко закончил он, а я все еще сидела с отвисшей челюстью.

— Игорь, — наконец смогла произнести я и увидела, как изменилось его лицо. Давно я его так не называла. В детстве я обращалась к нему так, как велел отец: «Игорь Николаевич». Потом был краткий промежуток, когда я называла его Игорь, и все во мне пело от счастья, теперь звала как все — Дед, а обращаясь к нему, вообще обходилась без имени. Теперь оказалось, что он обращал на это внимание, и я сразу ощутила неловкость. — Послушай, — вяло начала я, но он лишь покачал головой:

— Я тебя предупредил, а там как знаешь.

— Клянусь, я...

— Все. Я тебе верю. Тебе. А не тем, кто мелет языками. Постарайся меня не разочаровывать. А с Дидоновым разберись. Если это подстава, спускать такое негоже. Пусть помнит, кто здесь хозяин. — Дидонов,